

ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИОННЫХ УРОВНЕЙ МЕТАФИЗИЧЕСКИХ И ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

А.Ю. Кузнецов

Критика историцистских методологических схем, убедительно доказывая малую эффективность телеологической составляющей методологического инструментария, почти совпала по времени с расцветом антиметафизической кампании классического неопозитивизма. Основная проблема кампании была сформулирована предельно лапидарно — имеют ли право на существование в рамках науки метафизические понятия? В публикациях по проблеме, появлявшихся в геометрической прогрессии, выделялись все новые и новые аспекты этого вопроса, повергающие академическое сообщество в смятение и неопределенность¹.

Поднявшиеся на защиту «чистоты науки» историки и методологи науки призвали к походу на поползновения метафизики, инкриминировав ей полное отсутствие эвристичности. Теория значения и референции дол-

¹ *Акчури И.А.* Концептуальные основания новой — топологической физики // Философия физики элементарных частиц. — М., 1995; *Горохов В.Г.* Методологический анализ научно-технических дисциплин. — М., 1984; *Койре А.* Очерки истории философской мысли. — М., 1985. *Лакатос И.* История науки и ее реконструкции // Структура и развитие науки. — М., 1978; *Лекторский В.А.* Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Наука в культуре. — М., 1998; *Мамчур Е.А.*, Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: предварительные итоги. — М., 1997; *Мотрошилова Н.В.* К проблеме научной обоснованности науки. (На примере научно исследовательской деятельности) // Вопр. философии. — 1978. — №7; *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и методология. — М., 1998; *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. — М., 1986; *Холтон Дж.* Что такое «антинаука»? // Вопр. философии. — 1992. — №2; *Хьюбер К.* Критика научного разума. — 1994; *Agassi J.* The Logic of Scientific Inquiry // Synthese. — 1974. Vol. 26. №3-4; *Cohen B.* Revolution in Science. — Cambr.-Mass.-London, 1985; *Rorty R.* Historiography of Philosophy: Four Genres // Philosophy in History. Essays on the Historiography of Philosophy. — Cambridge etc, 1985.

жна была убедительно показать, что метафизика просто-напросто бессмысленна, ибо лишена значения. Однако надо отдать должное участникам обсуждения данного тезиса — внутри самого сообщества представителей аналитической философии были сформулированы аргументы, достаточные для дезавуирования основных посылок антиметафизической критики. Примером сказанному служат обстоятельства крушения верификационной теории и судьбы ее модификаций — замена принципа верификации подтверждением, а затем принципиальной подтверждаемостью; введение системы понятий редукционных предложений; разрешимых предложений; приемлемых предложений и т.д.

Когда Витгенштейн в «Логико-философском трактате» и Карнап в работе «Логическое построение мира» формулировали принципы редукционистской программы, основным посылом для них являлось устранение из научного обихода метафизических высказываний, поскольку они не сводимы к утверждениям наблюдения. Ожидаемым результатом данной программы было устранение так называемых «метафизических» терминов, лишенных, по мнению фундаторов направления, научного содержания. Приверженцы этой точки зрения настаивали на том, что если метафизические модели и могут использоваться в интерпретации науки, то только как форма здравого смысла, который также не имеет отношения к науке. Дезавуирование же данных требований предполагало определенные операциональные шаги в методологеме лингвистического редукционизма.

К. Поппер в своей работе «Логика и рост научного знания» указал на причины превознесения метода лингвистического анализа следующим образом: «Пришло время, когда многие философы почувствовали, что „новый метод идей“, предложенный Локком, Беркли и Юмом, то есть психологический или, скорее, псевдопсихологический метод анализа наших идей и их чувственного происхождения, следует заменить „объективным“ методом, менее связанным с генетическими факторами. Эти философы решили, что вместо „идей“, „образов“ и „понятий“ следует анализировать слова, их значения и способы использования; вместо „мыслей“, „мнений“ и „взглядов“ — суждения, высказывания и предложения. Я готов признать, что эта замена локковского „нового метода идей“ на „новый метод слов“ была несомненным прогрессом и она в свое время была действительно необходимой»².

Однако подобного рода признания сталкиваются с новой проблемой, а именно проблемой бинарности обыденного и научного знания. В рамках одного из предпочтений, вопреки ожиданиям, в разряд «нечистых», «метафизических» терминов попадает множество так называемых теоретических терминов науки, на которые так же беспощадно обрушивается

² Поппер К. Логика и рост научного знания. — М.: Прогресс, 1983. — С. 38.

молот редуccionисткой критики.

Допуская возможность полной реализации редуccionисткой программы, в конечном счете приходится признать, что действительно, даже там, где принципиально возможно элиминировать термины теории посредством их редуccion к терминам наблюдения, такие замены привели бы к бесконечному предикатированию. Возможно, подобные гипотезы и могут заинтересовать эпистемологов, но абсолютно бесполезны для исследователей, которые вынуждены бы были отказаться «от эвристически плодотворной системы теоретических понятий и гипотез в пользу практически неуправляемой системы, опирающейся на бесконечное, хотя и эффективно заданное, множество постулатов, выраженных в терминах наблюдения»³.

Одна из проблем, таким образом, кроется в следующем: возможны ли критерии демаркации теоретических понятий науки и метафизических понятий. Существование последних признают все, однако не все отдают им эвристическое должное, на которое эти категории претендуют. Целью данной статьи и является предварительный анализ вышеуказанного вопроса в период «сумерек» аналитической философии.

Витгенштейн, предлагая демаркировать утверждения, относящиеся к эмпирической науке, и утверждения метафизические, в качестве основания демаркации предлагал использовать понятия «смысл» и «значение». Точнее говоря, «осмысленностью» высказываний, по Витгенштейну, является степень сведения их к сингулярным высказываниям наблюдения. Если подобное сведение невозможно, то подобное высказывание «не имеет смысла», «бесмысленно» = «метафизично».

Подобный вывод смущает даже основоположников антиметафизического движения. «Может показаться, что проведя такую линию демаркации, позитивисты достигли более полного успеха в уничтожении метафизики, чем все предшествующие метафизики. Однако этот метод приводит к уничтожению не только метафизики, но также и самого естествознания, ибо законы природы столь же несводимы к высказываниям наблюдения, как и рассуждения метафизиков (вспомним проблему индукции!). Если последовательно применять критерий значения Витгенштейна, то законы природы окажутся „бесмысленными псевдопредложениями“, следовательно, „метафизическими высказываниями“. Поэтому данная попытка провести линию демаркации терпит крах»⁴.

В целях более полного рассмотрения проблемы можно предложить проанализировать ряд альтернативных утверждений исследователей, по-разному переживавших и переживающих свое отношение к проблеме демаркации:

³ *Hempel C.* Carnap and the Philosophy of Science // P.A. Schilpp (ed). The Philosophy of Rudolf Carnap. — La Salle, Ill., 1963. — P. 699.

⁴ *Поппер К.* Логика и рост научного знания. — М.: Прогресс, 1983. — С. 237–238

- все, что связано с метафизикой и выступает от ее имени, в том числе и метафизические понятия — обскурантизм;
- ценность метафизических терминов возможна, но она не имеет никакого отношения к научному познанию, ее процедурам в частности, и науке в целом.

Второй тезис имплицитно содержит в себе утверждение, что демаркация уже осуществлена, хотя бы конвенционально. Что касается первого тезиса, то источники подобного отношения легко можно обнаружить в период возникновения философии, которая изначально выступала в качестве знания о первых принципах. В этой связи уместно вспомнить идеи милетцев, противопоставивших знание о природе и оккультное знание. Следует заметить, что основания натурфилософии искались в самой же природе. Однако в случае не удовлетворенности сформулированными основаниями, их поиски переносились в область все той же метафизики. Подобного рода методологический алгоритм просуществовал вплоть до Нового времени (примечательно, что еще Галилей на вопрос о том, что есть «тяжесть», отправлял вопрошающих к «более высокой науке», чем натурфилософия). Таким образом, в античной и средневековой монопарадигмальности обскурантизмом называли бы отрицание иерархичности и субординации относительно натурфилософии и метафизики, принявшей форму христианской догматики.

В дальнейших метаморфозах метафизики важной вехой явилась декартовская теория субстанций. Все вопросы, не имеющие отношения к натурфилософии, Декарт отдал на откуп науке о «духовной субстанции», в дальнейшем трактуемой как мышление. Именно здесь впервые откровенно проведена демаркация между метафизикой и естествознанием. Такие широкие методологические «мазки» в дальнейшем неоднократно исследовались в истории естествознания. Так, достаточно популярный в конце XIX и начале XX веков историк науки П. Дюгем акцентировал внимание на разницу в стилях мышления представителей различных традиций, относя немецких мыслителей к приверженцам абстрактной математической дедукции, а французских — к поборникам тщательного построения «естественных систем»⁵. Дюгемом же в качестве оценки суждений выдвинут так называемый критерий «*bon sens*», что можно перевести как «здравый смысл». В контексте нашей статьи можно говорить о впервые выговоренном демаркационном критерии. Однако ранее Дюгема, еще в позитивной философии Конта, данное понятие выступило основанием классификации, о которой известный русский философ заметил следующее: «Позитивная философия, по Конту, есть только обобщенный и при-

⁵ Дюгем П. Физическая теория. Ее цель и строение. Гл. 4. — Спб., 1910.

веденный в систему здравый смысл (*le bon sens généralisé et systématisé*), ее характерные черты, в отличие от теологии и метафизики, суть: 1) *объективность*, так как она подчиняет мышление его предмету, а не наоборот; 2) *реальность*, так как самый предмет ее есть всегда наблюдаемый факт, а не вымысел воображения или логический абстракт; 3) *достоверность*, так как все утверждения позитивной философии, относясь к фактам, всегда могут быть проверены фактически; 4) *точность*, так как математика, будучи основой всей системы, всегда остается нормой истинного познания; 5) *органичность*, т.к. эта философия не противопоставляет своих идей действительной жизни — как это делает метафизика в своих безусловных требованиях, критически разлагающих и разрушающих действительность, — а смотрит на себя как на органический продукт, естественное продолжение или восполнение действительного хода вещей; 6) *относительность*, поскольку все явления познаются здесь не в своей абсолютной сущности, недоступной человеческому уму, а в своем действительном отношении к нашему организму и взаимоотношению между собою; наконец, 7) *полезность*: в то время как вымышленные предметы и пустые абстракции по необходимости остаются бесплодными, положительное познание явлений в их действительной связи позволяет нам предвидеть события и до некоторой степени распоряжаться силами природы. Позитивная стадия представляет, таким образом, окончательное состояние человеческого ума, тогда как теологическая имеет лишь предварительное, а метафизическая — лишь переходное значение»⁶. При всем при этом следует заметить, что в этой же энциклопедии Вл. Соловьев достаточно скептически отзывается о так называемом «*bon sens*» и сопровождающих данное понятие определениях, в том числе и контовском⁷.

⁶ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. — М.: Русское слово, 1996 г. (статья «Конт»).

⁷ «Здравый смысл — термин неопределенный и большею частью употребляемый во зло; должен означать нормальное состояние и правильное действие умственных сил человека. Нормальны, вообще, те суждения и взгляды, которые соответствуют истинному значению вещей, логически выводимому из достоверных данных. Но так как действительные мнения большинства людей определяются не столько разумением предметной истины, сколько предрассудками, привычкой, внушениями страстей и требованиями материальных интересов, и так как всякий человек, чувствуя и признавая свои физические слабости и недуги, не сомневается, однако, в своем умственном здоровье и в правильности своего образа мыслей, то в результате получается такое понятие здравого смысла, которое не имеет прямого отношения к истинным нормам, а выражает лишь средние мнения и обычные интересы людской толпы, в данных условиях места и времени. Такой З. смысл направлен вообще к охранению наличного состояния общественной жизни и мысли, против всего, что двигает людей вперед и возвышает их духовный уровень. Во имя такого З. смысла осуждались, например, нравственное учение Сократа, астрономическая система Коперника, предприятие Колумба; тем же З. смыслом защищалось сожигание ведьм и еретиков, употребление пыток и т.д. Этот неоспоримый исторический опыт внушает законное недоверие к про-

Однако в значение здравого смысла можно вкладывать различный смысл. Так, Бенджамен Уорф в «Науке и языкознании» замечает, что каждый человек, вышедший из детского возраста и будучи здоровым психически, обладает способностью говорить и говорит, и как говорящий пронесит через всю жизнь укоренившиеся взгляды на речь и ее связь с мышлением. Однако эти взгляды, замечает Уорф, тесно связаны с речевыми навыками, приобретенными характером бессознательных и автоматических, в силу чего перестают быть только индивидуальными, единичными, т.е. они основываются на системе. Именно эту систему Уорф и называет системой естественной логики, видя в подобном словосочетании более удачное выражение, чем здравый смысл. «Согласующийся с законами естественной логики факт, что все люди с детства свободно владеют речью, уже позволяет каждому считать себя авторитетом во всех вопросах, связанных с процессом формирования и передачи мыслей. Для этого, как ему представляется, достаточно обратиться к здравому смыслу и логике, которыми он, как и всякий другой человек, обладает. Естественная логика утверждает, что речь — это лишь внешний процесс, связанный только с сообщением мыслей, но не с их формированием. Считается, что речь, т.е. использование языка, лишь «выражает» то, что уже в основных чертах сложилось без помощи языка. Формирование мысли — это якобы самостоятельный процесс, называемый мышлением или мыслью и никак не связанный с природой отдельных конкретных языков. Грамматика языка — это лишь совокупность общепринятых традиционных правил, но использование языка подчиняется якобы не столько им, сколько правильному, рациональному, или логическому, мышлению»⁸.

На наш взгляд, именно в этом заключается проблема демаркации уже не просто понятий — метафизических или теоретических, но проблема субординации того, что мы понимаем под дискурсом и формами артикуляции дискурса. В целом, в тексте Уорфа проблема имплицитно сведена к ставшей классической и универсальной форме познания — бинарной оппозиции, суть которой в двойственной природе восприятия окружающего, что обусловлено, в свою очередь, функциональной асимметрией полушарий головного мозга⁹.

Следует отметить, что в последнее время в различных по жанру куль-

стым ссылкам на З. смысл; всякую такую ссылку следует проверять определенными нормами истины и справедливости, и в случае противоречия с ними — решительно отвергать, как самозванное притязание.» — *Соловьев Вл.* «Здравый смысл» (Цитируется по: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон Энциклопедический словарь. — М.: Русское слово, 1996.)

⁸ *Источник* сканирования: сборник «Новое в лингвистике». — Вып. 1. — М., 1960; перепечатка: Зарубежная лингвистика. I. — М., 1999. — С. 92–106; оригинал: Whorf B.L. Language, Thought and Reality. — N.Y., 1956.

⁹ *Иванов В.В.* Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. — М., 1978.

турологических концепциях все чаще сложности познания мира пытаются компенсировать, апеллируя к методологическим следствиям принципа бинарной оппозиции. В отдельных случаях эти апелляции выливаются в построение подобия классификационных таблиц, претендующих на определенный методологический статус. Удачное описание одной из таких таблиц предлагает О.Б. Ванштейн¹⁰. Одним из штрихов этого описания является указание на то, что при составлении классификации существенно изменен принцип рассмотрения дискурса гуманитарного знания. «Если раньше в процессе развертывания знаковой цепочки можно было с уверенностью ожидать, что рано или поздно появится финальный все объясняющий концепт, то теперь уже не так просто сослаться на какую-либо традиционную центрирующую мифологию. Было принято говорить: пусть данное явление значит то-то и то-то, а в итоге, оказывается, за этим скрывается имя Бога, Бытие или Смысл жизни, Природа, Истина, в зависимости от ценностного контекста — всегда отыскивался таинственный сакральный центр, генерирующий вокруг себя вращение интеллектуальной энергии. Сейчас, когда философское доверие к подобным центрирующим мифологемам утрачено, потребовался совершенно иной тип организации научного сознания, который оперирует не отдельными смыслоносущими единицами, а отношениями, пучками различий»¹¹.

В определенной степени подобного рода центром в разрешении субординациональных моментов теоретических и метафизических понятий выступал даже не язык, а значения отдельных слов и понятий. Однако не следует забывать, что нормы, формирующие язык, иерархичны, т.е. более общие нормы включают в себя менее общие и т.д. Поэтому можно предположить, что значения терминов тесно связано не с их определениями, а с более широкими нормативными планами, или законами. Ведь, как правило, определения начинают работать уже после того, как основная часть концептуальной парадигмы создана. Изменения же фундаментальных законов влияют на изменение значений теоретических терминов, в то время как изменения понятий на уровне теорий влияет только на наши убеждения.

Таким образом, приходим к выводу, что проблему демаркации логично исследовать как в плоскости отношений между значениями теоретических понятий и определенными частями научных теорий, так и в плане уточнения демаркационных различий между формами артикуляции дискурса.

¹⁰ *Постмодернизм и культура*. Материалы «круглого стола». // Вопросы философии. — 1993. — №3. — С. 5–7.

¹¹ Там же. — С. 6.